

Август 1945 г. в Северной Маньчжурии: вооружённая борьба русских эмигрантов против японцев

Сергей Викторович Смирнов,

кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, Екатеринбург.

E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

В августе 1945 г., в соответствии с решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, Советский Союз вступил в войну с Японией. Боевые действия, развернувшиеся на территории Маньчжурии, не могли не затронуть расположенной там русской эмигрантской колонии. Японские власти, рассчитывавшие в войне с СССР на поддержку белоэмигрантов, жестоко разочаровались, столкнувшись с их нежеланием участвовать в войне на волне мощного подъёма патриотических настроений. Эмигранты не только стремились избежать японской мобилизации и прямого участия в боевых действиях против Красной армии, но и сами вступали в вооружённое противостояние с японцами. Опираясь на рассекреченные архивные материалы госбезопасности СССР, автор приводит примеры участия партизанских отрядов и отрядов самообороны из русских эмигрантов в Советско-японской войне. Наибольшую активность эти отряды проявили на восточной и западной линиях Северо-Маньчжурской железной дороги, где развернулись самые ожесточённые боевые действия между советскими и японскими войсками. Партизанские эмигрантские отряды нападали на небольшие японские подразделения, эшелоны, склады, хорошо зная местные условия, помогали советским частям более эффективно действовать в боях с противником, тем самым, несомненно, они внесли свой вклад в быстрый разгром японских войск в Маньчжурии. Тем не менее, по окончании боевых действий, значительная часть членов эмигрантских партизанских и самоохранных отрядов была репрессирована советской стороной.

Ключевые слова: русская эмиграция, Советско-японская война, Маньчжурия, русские партизанские отряды.

August 1945 in North Manchuria: armed struggle of Russian emigrants against the Japanese. Sergei Smirnov, Institute of Humanities and Arts, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia. E-mail: smirnov_sergei@mail.ru

In August 1945, Soviet Union entered the war with Japan in accordance with resolutions of Yalta and Potsdam Conference. The warfare beginning in Manchuria could not but affect the Russian emigrant colony located there. Japan's government

counting upon the White emigrants' support in the war with USSR were violently disappointed facing the unwillingness of the latter to participate in the war amid growing patriotic sentiments. Not only did the emigrants try to avoid Japanese mobilization and direct participation in warfare against the Red Army, but entered the armed confrontations with the Japanese. Based on disclosed archive materials of USSR's state security authorities, the author makes examples of participation of Russian White emigrants' guerilla and self-defense bands in the Soviet-Japanese War. These bands were most active in the eastern and western lines of North-Manchurian Railway where the most violent warfare between the Soviet and Japanese troops took place. The emigrants' guerilla bands attacked small Japanese subdivisions, serials and warehouses; familiar with local conditions, they helped the Soviet units to act more efficiently in battles with the enemy. Therefore, they undoubtedly made their contribution to quick defeat of Japanese troops in Manchuria. However, upon end of the warfare, a significant part of emigrants' guerilla and self-defense bands was repressed by the Soviet party.

Key words: Russian emigration, Soviet-Japanese War, Manchuria, Russian guerilla bands.

В период Советско-японской войны августа 1945 г. подавляющее большинство русских эмигрантов в Маньчжурии встречало Красную армию как освободительницу. Часть из них оказала активную поддержку советским войскам в борьбе против японской армии.

Участие эмигрантов в установлении вооружённого контроля над рядом населённых пунктов Северной Маньчжурии и особенно Харбина отмечали и советские военачальники, принимавшие участие в боях за Китай, и отечественные историки [1; 2; 4; 6; 7]. Вместе с тем даже в отношении Харбина, где важную роль в создании сил самообороны сыграло консульство СССР, информация об участии эмигрантов в вооружённой борьбе против японских войск в исследовательской литературе остаётся крайне скудной. В советский период это в немалой степени объяснялось отношением к эмиграции как пособнику международной буржуазии и врагу государства. Факты участия русских эмигрантов, ранее входивших в вооружённые формирования Маньчжоу-го, в боях с японскими милитаристами были подвергнуты забвению, а большинство участников этих событий — репрессированы. Многие современные исследователи заняли противоположную советской историографии позицию, сосредоточившись на антисоветской деятельности эмиграции, в связи с чем особое внимание уделяется поиску примеров вооружённого сопротивления эмигрантов частям Красной армии во время Советско-японской войны, который, впрочем, пока нельзя считать успешным [1; 5; 8].

В настоящей статье мы, опираясь на рассекреченные документы госбезопасности СССР, предпринимаем попытку восстановить отдельные эпизоды вооружённой борьбы русских эмигрантов против японских

войск в августе 1945 г., а также биографии некоторых из них, принимавших активное участие в Советско-японской войне.

Как известно, японские власти в Маньчжоу-го стремились активно использовать русских эмигрантов в противостоянии с СССР. В Маньчжоу-го существовали русские воинские отряды (РВО)¹, русские подразделения горно-лесной полиции, казачьи волонтерско-ополченческие структуры (т.н. Захинганский сводный казачий корпус). Эмигрантская молодёжь обучалась на курсах Японской военной миссии (ЯВМ), курсах военной подготовки Киовакай и т.д. К концу Тихоокеанской войны в Маньчжоу-го был провозглашён лозунг «Жить и умереть вместе с Японией», активно поддержанный эмигрантской администрацией. Однако рост патриотизма в эмигрантской среде в годы войны вызывал недоверие японцев к русским. Это стало одной из причин расформирования РВО и русских полицейских подразделений в июле 1945 г.

После начала войны с Советским Союзом японское командование предприняло попытку возродить русские вооружённые подразделения и использовать эмигрантов в боевых действиях против Красной армии. На ст. Ханьдаохэцзы восстановили русский воинский отряд численностью в 100 чел., а также по приказу Муданьцзянской ЯВМ сформировали пять русских диверсионных отрядов по 30—40 чел. В задачи этих подразделений входило осуществление диверсионных операций в тылу Красной армии на территории вдоль восточной линии Северо-Маньчжурской железной дороги (СМЖД). Однако попытки японского командования вовлечь эмигрантов в боевые действия против советских войск оказались тщетными: при первой возможности такие подразделения сдавались в плен частям Красной армии или уходили подальше от зоны боёв. Более того, вчерашние русские отрядники, полицейские, резервисты составили основу целого ряда антияпонских партизанских отрядов и отрядов самообороны, которые не только защищали жизнь и имущество русского населения в посёлках и городах Маньчжурии, но и нападали на японские воинские подразделения, тем самым способствуя более быстрой победе советских войск.

Самое крупное партизанское соединение действовало на восточной линии СМЖД в районе ст. Эрдаохэцзы. В его состав входили русские и китайские партизанские отряды деревень Коломбо, Силинхэ, Лодя, Аржан, Сепича. Командиром соединения являлся Николай Розальон-Сошальский, в прошлом один из лучших начальников русских отрядов горно-лесной полиции Маньчжоу-го.

Дворянин, сын офицера, Розальон-Сошальский стал участником Гражданской войны в неполные 17 лет. После расформирования Таш-

¹ Первый отряд, получивший название по имени командира подразделения — отряд Асано, — был создан весной 1938 г. С января 1944 г. существовало три русских воинских отряда — Сунгарийский (ст. Сунгари-2), Ханьдаохэцзийский и Хайларский. Официально они входили в состав Императорской армии Маньчжурской империи, но курировались со стороны ЯВМ.

кентского кадетского корпуса, в котором он обучался, Николай весной 1918 г. примкнул к антибольшевистскому восстанию в Ашхабаде. Служил в 1-й конной сотне поручика Ильина, 6-й Дагестанской конной сотне и Мешетском конном дивизионе. Участвовал в боях на Закаспийском фронте. В начале 1920 г. младший унтер-офицер Сошальский попал в плен к красным у Красноводска, около двух месяцев находился в лагере для военнопленных, а после освобождения, опасаясь репрессий, бежал в Персию, откуда выехал с англичанами в Индию. Летом 1921 г. Николай в группе с другими русскими военными был переправлен англичанами во Владивосток, где поступил в Корниловское военное училище, располагавшееся на о. Русский. Училище он не закончил, поскольку заболел малярией и был отчислен. В дальнейшем Сошальский служил в Приханкайском пограничном отряде, с которым и эвакуировался осенью 1922 г. в Китай в районе Хунчуна.

Последующая судьба Сошальского очень похожа на судьбы тысяч таких же беженцев. Николай был сторожем на мельнице, рабочим на рисоочистительном заводе, а после окончания курсов — шофёром на Харбинской автобирже. В это же время он активно увлёкся спортом, занимался тяжёлой атлетикой и боксом в спортивном обществе «Санитас», тесно связанном с одной из наиболее активных антибольшевистских организаций молодёжи в Харбине — Союзом мушкетёров². Уже после образования Маньчжоу-го Николай поступил на службу в городскую полицию Хайлина, позднее служил в железнодорожном уголовном розыске на ст. Пограничная. Осенью 1935 г. он был приглашён в 9-й русский охранный отряд

² Союз мушкетёров возник в Харбине в 1924 г. как организация «улично-ударного» типа, противодействовавшая разгулу советского Отмола (Отряды молодёжи), созданного после прихода на КВЖД большевиков. Название объединения было навеяно романтическими идеалами молодых создателей Союза во главе с князем В.И. Гантимуровым и шедшим в то время в городе американским фильмом «Три мушкетёра». В 1925 г. часть «мушкетёров» во главе с Гантимуровым выехала в Северный Китай и поступила на службу в Русскую группу войск армии генерала Чжан Цзунчана. Некоторые из них прошли в дальнейшем обучение в Юнкерской роте и Шаньдунской военно-инструкторской школе, получив офицерское звание. Во второй половине 1920-х гг. Союз мушкетёров в Харбине вёл полуподпольное существование, дискутируя «кулачными методами» с отмольцами, что приводило к жертвам и с той, и с другой стороны. В 1929 г. Союз провозгласил себя организацией монархического толка, а его шефом стал великий князь Никита Александрович. В связи с этим организация получила официальное название «Союз мушкетёров Его Высочества Великого князя Никиты Александровича». Руководителем её с конца 1920-х гг. являлся В.С. Барышников. В первой половине 30-х гг. Союз мушкетёров достиг пика своего развития. Помимо Маньчжурского отдела, самого многочисленного и сильного, существовали 2-й Северо-Американский отдел с центром в Сан-Франциско и 3-й Шанхайский отдел. Общее количество отрядов «мушкетёров» доходило до 15. В 1937 г. из-за внутренних противоречий и стремления прояпонских кругов эмиграции жёстко контролировать Союз в организации произошёл раскол. Большинство «мушкетёров» отошло от дел. Сохранившаяся часть Союза под руководством С. Егупова вошла в состав Монархического объединения и прекратила своё существование вместе с ним в 1942 г.

на Мулинских угольных копях в качестве помощника начальника отряда, а в декабре того же года возглавил охранный отряд японской лесной концессии Кондо.

В 1935—1936 гг. русские охранные отряды были реформированы в подразделения горно-лесной полиции Маньчжоу-го. Надзиратель Сошальский возглавил 8-й Эрдаохэцзийский отряд полиции, состоявший из 150 чел., разбитых на четыре взвода. Штаб находился в старообрядческом посёлке Коломбо, располагавшемся в 3—4 верстах от ст. Эрдаохэцзы. Полицейские охраняли хозяйственные и железнодорожные объекты от нападений китайских хунхузов и партизан, которые случались достаточно часто. Бойцы любили и уважали своего командира, считая его строгим, но справедливым. Одновременно Николай являлся начальником 11-го Эрдаохэцзийского отряда Союза мушкетёров и отделения Монархического объединения³.

Будучи человеком антисоветских убеждений, Сошальский сильно переменялся в годы советско-германской войны: он неоднократно выражал сожаление, что не может помочь Родине в тяжёлый для неё час. Отношения с японцами ухудшались. Осенью 1943 г. после ссоры с японским советником Николай был уволен из полиции. При увольнении у него отобрали разработанный им самим участок земли и огнестрельное оружие, обрекая семью Сошальского на голод, но позднее отъятое возвратили. В последующий период Николай жил за счёт своего хозяйства и охоты.

С началом боевых действий между советскими и японскими войсками в августе 1945 г. Сошальский принял решение поддержать Красную армию. 12 августа он собрал у себя на квартире надёжных людей, высказавшихся за создание партизанского отряда, в состав которого первоначально вошли 63 чел. Вскоре к ним примкнули и другие русские и китайские партизанские группы, образовав партизанское соединение [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31517. Л. 16, 30—34, 62, 84].

Одним из ближайших соратников Сошальского по партизанской борьбе, адъютантом и казначеем его отряда являлся Сергей Кобеляцкий.

Сошальский и Кобеляцкий, будучи ровесниками, познакомились ещё во время учёбы в Корниловском военном училище на о. Русский. Кобеляцкий также происходил из семьи офицера, прошедшего Германскую и Гражданскую войны. С 1914 г. его семья жила в Харбине, где Сергей окончил гимназию и некоторое время учился в школе ротных фельдшеров при Охранной страже КВЖД. В октябре 1921 г. он поступил в Корниловское военное училище, которое так и не окончил. Осенью 1922 г. юнкера приняли участие в последних боях на Дальнем Востоке и понесли

³ Монархическое объединение было создано в 1938 г. в Харбине. Оно включило в свой состав эмигрантские организации, стоящие на монархической платформе — Дальневосточный союз военных, Дальневосточный союз казаков, Союз мушкетёров, Национальную организацию русских разведчиков. Возглавлял объединение близкий к японским спецслужбам штабс-капитан Б. Н. Шепунов. Монархическое объединение просуществовало до 1942 г.

существенные потери. Особенно трагично сложилась ситуация у ст. Свягино, где погибло много юнкеров, наступавших в полный рост на вражеские пулемёты. В боях у Свягино Кобеляцкий был ранен и награждён за храбрость Георгиевским крестом.

После эвакуации в Маньчжурию Сергей работал где придётся, пока в конце 1924 г. не устроился в железнодорожную полицию на ст. Цицикар, позднее служил на ст. Фуляэрди. В 1936 г., по предложению своего младшего брата Алексея, служившего в Эрдаохэцзийском полицейском отряде, он перебрался в пос. Коломбо. Был командиром взвода в отряде Сошальского. Летом 1941 г. надзиратель Кобеляцкий возглавил полицейский отряд на Мулинских копиях, в котором служил до начала 1944 г., а затем был уволен в связи с болезнью. Оставив службу, Сергей с семьёй жил за счёт охоты и собственного участка земли [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31876. Л. 9—11, 22, 47, 76].

Партизаны Сошальского вели боевые действия в тылу японской армии, а после её разгрома уничтожали и вылавливали рассеянные группы японских военных вплоть до начала октября 1945 г. Только пленными партизаны передали советской комендатуре более 700 японских офицеров и солдат. Несмотря на это, 8 октября советские власти вызвали Сошальского и других руководителей партизанского соединения в Муданьцзян, где их арестовали [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 31517. Л. 84; Д. 31876. Л. 47].

В других русских населённых пунктах восточной линии СМЖД также действовали партизанские отряды и отряды самообороны. Известно, например, что русско-китайский партизанский отряд в 60 чел. проводил операции в августе — сентябре 1945 г. в районе пос. Цунхэ. В его состав, в частности, входил бывший командир полицейского поста Вэйшахейского отряда, надзиратель Михаил Шестаков. Участник Гражданской войны, он попал в Маньчжурию после страшного Сибирского Ледяного похода. У Шестакова имелись свои счёты с японцами. В 1942 г. он, как и другие полицейские, был направлен на военные сборы в самый разгар подготовки к своей свадьбе. Михаил отказался ехать, разгорелся скандал с японским советником, Шестаков сгоряча едва не покончил жизнь самоубийством. К чести японцев нужно сказать, что Михаила после выздоровления не уволили из полиции. Когда в сентябре 1945 г. боевые действия окончились, Шестаков и другие члены Цунхэйского партизанского отряда добровольно явились в контрразведку Смерша и рассказали о своей жизни в эмиграции, после чего все они были арестованы [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36500. Л. 70, 92, 93].

Из отрядов самообороны, защищавших местное русское население от нападений ещё не сдавшихся остатков японских воинских частей и китайских мародёров, стоит упомянуть отряд старообрядческого пос. Романовка.

10—11 августа 1945 г. часть мужчин-охотников из Романовки мобилизовали на ст. Ханьдаохэцзы, где формировался русский воинский отряд

и диверсионные подразделения. Подразделение, в которое вошли жители Романовки (около 30 чел.), возглавил подпоручик Иван Яшков, в прошлом адъютант Ханьдаохэцзийского РВО. 13 августа Яшков со своими людьми был направлен для организации диверсий против частей Красной армии вдоль железной дороги на отрезке от ст. Ханьдаохэцзы до Шаньши. Просидев несколько дней в лесу и узнав от отступавших японских частей о взятии 16 августа советскими войсками Муданьцзяна, подразделение Яшкова ушло в Романовку, где бойцы сдали оружие командиру и разошлись по домам. Но вскоре оружие вновь пришлось взять в руки.

Обстановка в окрестностях посёлка была очень серьёзной. В конце августа там в засаду попал крупный отряд советских солдат, потерявший в бою с японскими «смертниками» более 50 чел. Японцы нападали и на посёлки русских эмигрантов, считая их предателями. Самоохрана Романовки приняла участие в разоружении отдельных японских воинских групп, большей частью прошедшем без боя. Важную роль здесь играло отличное знание Яшковым японского языка. Он с детства долгое время жил в Японии и получил там школьное образование. Зачастую в ходе переговоров, которые вёл Иван, японцы складывали оружие и не шли на кровопролитное столкновение.

По предложению советского командования Яшков согласился работать в качестве переводчика в одной из воинских групп, занимавшихся разоружением остатков японских частей, и даже был включён в список представленных к награждению орденами и медалями. Но вместо награды подпоручика также ждал арест сотрудниками Смерша в начале сентября 1945 г. [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35091. Л. 9, 10, 198].

Аналогичный романовскому отряд самообороны существовал в пос. Александровка, в его состав входило несколько русских резервистов. В результате стычек отряда с японцами было захвачено в плен около 200 чел. [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33278. Л. 9 об].

На западной линии СМЖД и в Трёхречье⁴ также действовали небольшие партизанские группы и отряды самообороны. Так, в районе пос. Якеши оперировала группа Силантьева (неофициально именовавшаяся «медвежий отряд»), захватившая практически пустую японскую разведывательно-диверсионную базу № 35, располагавшуюся в 35 верстах к северу от железнодорожной станции Якеши на территории лесной концессии Кульдур [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35753. Л. 45, 46].

В отряды самообороны, создававшиеся во многих русских посёлках, обычно включались резервисты, бывшие военнослужащие Сунгарийского и Хайларского РВО, казачья молодёжь, проходившая военное обучение в волонтёрских подразделениях, а также те, кто не имел никакой военной подготовки.

⁴ Трёхречье — приграничный с советским Забайкальем район в бассейне рек Дербул, Хаул и Ган, населённый преимущественно казаками Забайкальского казачьего войска.

Среди руководителей отрядов самообороны находились и бывшие офицеры Белой армии, и чины русских вооружённых подразделений Маньчжоу-го. Известно, например, что самообороны пос. Верхняя Урга (Трёхречье) возглавлял сотник Владимир Потапов. Свою военную службу он начал в 18 лет в составе Русской группы войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана, где в середине 1920-х гг. служило около 3000 русских эмигрантов. Окончил при Русской группе военно-инструкторское училище, получил звание подпоручика китайской службы. После увольнения Потапов сменил не одно место работы и жительства, пока не осел в Хайларе. Осенью 1941 г. он был командирован в формирующийся Хайларский казачий конно-полицейский отряд, в дальнейшем — Хайларский РВО. В отряде Владимир командовал взводом и являлся заместителем командира в чине поручика (сотника) армии Маньчжоу-го. Весной 1945 г. его перевели на административную работу по линии Бюро русских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭИ), что, возможно, спасло Потапову жизнь. В период августовских боёв 1945 г. между советскими и японскими войсками более 20 мобилизованных бойцов Хайларского отряда во главе с командиром, майором Иваном Пешковым, заподозренные в измене, были убиты японцами [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32506. Л. 20].

Что касается других командиров русской самообороны, имеются сведения ещё об одном «пешковце», прапорщике Петре Морозове, в 1944—1945 гг. возглавлявшем учебное подразделение для казачьей молодёжи — Первую сотню в Драгоценке [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 34818. Л. 13].

Как известно из воспоминаний участников событий августа 1945 г., столкновения русских отрядов самообороны с японцами происходили в пос. Шифровая, в районе Усть-Ачана, в пади Кульдур и других местах [3, с. 44—48].

Отряд самообороны действовал и на территории концессии Чол. Им руководил «асановец» Геннадий Коваленко. В своё время он обучался в военном училище при Сунгарийском РВО, но из-за самоволки в 1944 г. был отчислен. Проживавший в дальнейшем в одном из посёлков концессии Чол, Геннадий находился на особом контроле у Японской военной миссии. В августе 1945 г. отряд Коваленко, насчитывавший больше 10 чел., совершил ряд нападений на разрозненные японские части в районе Большого Хингана, за что его бойцы удостоились благодарности от советского командования. Однако в октябре 1945 г. большая часть отряда Геннадия была арестована [ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36930. Л. 54; Д. 35625. Л. 55].

Таким образом, участие русских эмигрантов в вооружённой борьбе с японцами в августе—сентябре 1945 г. способствовало скорейшему установлению полного контроля советских войск над Маньчжурией. Стоит предположить, что не только патриотизм стал основным стимулом к участию эмигрантов в войне. Некоторые стремились тем самым искупить «прошлые грехи» перед советской властью, другие — отомстить японцам за личные обиды. Каковыми бы ни были побуждения эмигрантов,

заставившие их поддержать Красную армию, судьба многих участников боевых действий против японцев оказалась одинаковой: большинство из них впоследствии было арестовано и вывезено в советские лагеря. Некоторым «повезло» больше, они остались в качестве агентов СССР на территории Маньчжурии после вывода оттуда советских войск и работали вплоть до установления в Китае власти компартии. Многие агенты по мере прекращения надобности в их деятельности были отозваны в Советский Союз, где также попали в лагерь.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 559 с.
2. Белобородов А.П. Прорыв на Харбин. М.: Воениздат, 1982. 208 с.
3. Зоркальцев Г.П. Странички из жизни Трёхречья // Русская Атлантида. Челябинск, 2013. № 46. С. 40—50.
4. Перминов В.В. Наказание без преступления. Чита, 2010. 96 с.
5. Сонин В.В. Дальневосточная эмиграция в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000. С. 36—45.
6. Ципкин Ю.Н. Участие российской белоэмиграции в Великой Отечественной войне на стороне противников Советского Союза // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2012. № 1. С. 38—42.
7. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. 272 с.
8. Яковкин Е.В. Русские солдаты Квантунской армии. М.: Вече, 2014. 320 с.
9. ГААОСО (Гос. арх. административных органов Свердловской области).

REFERENCES

1. Balmasov S.S. *Beloemigranty na voennoj sluzhbe v Kitaje* [White emigrants at military service in China]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007, 559 p. (In Russ.)
2. Beloborodov A.P. *Proryv na Harbin* [Burst-through to Harbin]. Moscow, Vojenizdat Publ., 1982, 208 p. (In Russ.)
3. Zorkal'tsev G.P. *Stranichki iz zhizni Tr'ohrechja* [Pages from Trekhrechy'e's life]. *Russkaya Atlantida*, Chel'abinsk, 2013, no. 46, pp. 40—50. (In Russ.)
4. Perminov V.V. *Nakazaniye bez prestuplenija* [A punishment without a crime]. Chita, 2010, 96 p. (In Russ.)
5. Sonin V.V. *Dalnevostochnaja emigratsija v gody Vtoroj mirovoj vojny* [Far-Eastern emigration during World War II]. *Rossijskaja emigratsija na Dal'nem Vostoke*. Vladivostok, 2000, pp. 36—45. (In Russ.)
6. Tsipkin U.N. *Uchastije rossijskoj beloemigratsii v Velikoj Otechestvennoj vojne na storone protivnikov Sovetskogo Sojuza* [Participation of Russian White emigrants in the Great Patriotic War on the side of the Soviet Union's enemies]. *Gumanitarnyje issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, Vladivostok, 2012, no. 1, pp. 38—42. (In Russ.)
7. Shkarenkov L.K. *Agonija beloj emigratsii* [White emigration's agony]. Moscow, Mysl' Publ., 1986, 272 p. (In Russ.)
8. Yakovkin E.V. *Russkije soldaty Kvantunskoj armii* [Russian soldiers of Kwantung Army]. Moscow, Vechе Publ., 2014, 320 p. (In Russ.)